

Юрий Сушко

Любимая женщина Альберта Эйнштейна

Биографии великих
Неожиданный ракурс

Биографии великих. Неожиданный ракурс

Юрий Сушко

**Любимая женщина
Альберта Эйнштейна**

«ЭКСМО»

2011

Сушко Ю. М.

Любимая женщина Альберта Эйнштейна / Ю. М. Сушко —
«Эксмо», 2011 — (Биографии великих. Неожиданный ракурс)

ISBN 978-5-699-52658-1

В новой книге историка Юрия Сушко на редкость удачно смешаны жанры – политический детектив с авантюрной мелодрамой. Свежие, никогда ранее не обнародованные факты из личной жизни гениального физика просто шокируют, а возмутительная безнравственность и «гибкость» жизненных принципов Маргариты Воронцовой, супруги скульптора Сергея Коненкова, заставляет усомниться: да разве такое могло быть?! Увы, могло. Точнее, так: к счастью, могло! Ибо любовный треугольник и женские интриги в конечном счете дали Сталину ядерное оружие, которое и сохранило хрупкий мир после Второй мировой войны...

ISBN 978-5-699-52658-1

© Сушко Ю. М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

НЬЮ-ЙОРК, март 1940	6
НЬЮ-ЙОРК, июль 1940	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юрий Сушко

Любимая женщина Альберта Эйнштейна

Хотя влюбляться – это не самое глупое, что делают люди, тем не менее, гравитация за это ответственности не несет...
А. Эйнштейн

НЬЮ-ЙОРК, март 1940

«Дорогой брат Иосиф Виссарионович!

...Я прилагаю здесь фотографию, на которой Вам наглядно будет видно, где вскоре произойдет атака на С.С.С.Р. Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войне, будьте храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья; слабый пусть говорит: «Я силен». Спешите и сходитесь, все окрестные, и собирайтесь; туда, Господи, веди своих героев...

Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, представлены как символ в книге пророка Исаиі 19:1-7г. Так тоже и Навуходоносор в Св. Писании есть фигурой на Вас. То, что делал Навуходоносор там, – Вы выполняете тут...

Вы, большевики, будучи, так сказать, атеистами, выполняете Божие Дело, которое есть мир и братство... «Слово не подобно ли молоту, разбивающему скалу? Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела. – Иеремія 23:29. – Иоиль 3:13. Серп и молот – знамя С.С.С.Р.

Царство Божие идет от севера (от С.С.С.Р.) «От севера откроется бедствие на всех обитателей земли» (бедствие – для капиталистов)... ибо от севера появляется беда и великая гибель (для капиталистов)... вот идет народ от страны северной и народ великий (большевики) поднимается от краев земли (А братан Папанин подтвердит нам, что там на севере, где он был, уже и не живут люди – край земли)...

Сообщаю некоторые сведения о себе. Я русский скульптор. Жил и работал в Москве. Работы мои имеются в музеях Москвы, Ленинграда, Смоленска, Казани, Симбирска и др. Был три года руководителем скульптурного отдела Государственных мастерских, а также скульптурного отдела Пролеткульта. Был председателем профессионального союза скульпторов. На кремлевской стене около Мавзолея Ленина – мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов», а в Музее революции на бывш. Тверской, Стенька Разин с ватагой – мои работы. Был я также не малый пьяница. В Америку выехал легально с выставкой русских художников в декабре 1923 г.».

Подумав, Сергей Коненков решил, что будет нелишним дополнить свой автопортрет комплиментами коллег:

«При отъезде из Москвы скульпторы поднесли мне адрес следующего содержания:

«Дорогому Сергею Тимофеевичу, нашему наибольшему товарищу. Мы, московские скульпторы, приносим Вам свой привет и поздравляем с двадцатилетней годовщиной Вашего Славного служения Русской скульптуре. С мощью Самсона, с глубиной Баха, с виртуозностью Паганини и с горячим сердцем русского Богатыря Вы трудились над созданием русской скульптуры. Сейчас Вы покидаете нас и Родину для более широкой деятельности перед лицом Нового и Старого Света. Мы уверены, что Вы покажете, какие силы таятся в недрах России. Эта мысль смягчает горечь разлуки с Вами и родит надежду увидеть Вас снова в нашей среде тем же дорогим товарищем, но венчанным мировой славой». Следует 24 подписи.

До свидания, дорогой Иосиф Виссарионович. Примите мои самые сердечные пожелания, также привет Вашим друзьям и сотрудникам.

Приветствуйте Красную Армию – Армию Божию.

Остаюсь верный Господу навсегда. С.Коненков».

Он поставил точку, вернулся к началу письма и в самом верху сделал пометку: «Нью-Йорк 4/3 1940 г.».

НЬЮ-ЙОРК, июль 1940

– Сергей, ваш священный долг написать Иосифу Виссарионовичу Сталину. Вас он непременно услышит.

– Он не отвечает на мои послания, брат Заборовский. Сколько раз я к нему уже обращался...

– Неважно. Главное, чтобы он прочел ваши письма, а они уже достигнут его души и разума. В марте я сам решил написать ему письмо. Но вряд ли он его прочел, потому что представился, кто я есмь, то есть религиозным человеком.

– А могу я прочесть ваше письмо, брат Заборовский?

– Конечно. Я вам оставлю копию. Но вы напишите свое. – Заборовский вынул из кармана пиджака несколько изрядно помятых листов бумаги, положил перед Коненковым и, перекрестившись, покинул мастерскую скульптора:

– С Богом, брат Сергей.

Читая копию послания Заборовского товарищу Сталину, Коненков поразился, насколько пророчества брата совпадают с его собственными видениями и с тем, о чем он собирался сообщить в Москву, брату Иосифу Виссарионовичу. Не откладывая ответственное поручение в долгий ящик, Сергей Тимофеевич решил перенести намеченный еще неделю назад сеанс позирования на следующий день. Позвал Элен, попросил позвонить мистеру Линдбергу, извиниться и назначить иное время для работы. Какое? Теперь пускай наш авиатор сам определяет. Не до того мне сейчас.

Сергей Тимофеевич взялся за перо:

«Дорогой брат Иосиф Виссарионович!

Пишу Вам снова, третье послание. Вы не ответили на первые два... Но что же делать! Вновь предупреждаем Вас, так как час близок. У Вас там будет великое смятение и замешание, и мы должны Вас уведомить о том, что до этого мы (последние члены Церкви Христовой) должны быть там у Вас...

Какое будет следствие с того конфликта, который начался там, в Европе, года 1939?.. Вот идет буря Господня с яростью, буря грозная, и падет на голову нечестивых. Гнев Господа не отвратится, доколе Он не совершит и доколе не выполнит намерений своих сердца Своего, в последующие дни вы ясно уразумете это (Иеремия 23: 18-20).

...Так как Навуходоносор забыл тот сон, и никто не мог выяснить и сам забыл...

Катастрофа эта от 1939 г. с осени. А следствием будет пророчества Иезекииля, глава 38... Когда Сатана, чрез своего агента Гога, который теперь действует в земле Магога, подобьет все народы, тогда он (Сатана) направит Гога на Россию...

Вне дома – меч, а в доме – мор и голод. Кто в поле, тот умрет от меча, а кто в городе, того пожрут голод и моровая язва. А уцелевшие от них убегут и будут на горах, как голуби долин (Иезекиил 7: 15-16).

И тогда Господь начнет воевать... И будет с Гогом и со всеми царствами то, что с Содомом и Гоморрой... Ты же, Сын человеческий, изреки пророчества на Гога и скажи: так говорит увала! Я поведу тебя и выведу тебя от краев севера и приведу тебя на горы Израилевы (в Россию) – в Советский Союз. И выбью лук твой из левой руки твоей и выброшу стрелы твои из правой руки твоей. Падешь ты на горах Израилевых (в России), ты и все полчища твои и народы, который с тобою...»

Начав следующую фразу: «На весну 1941 года сбудется следующее...», Сергей Тимофеевич неожиданно запнулся. «Сделаем паузу». Встал из-за стола, посмотрел в окно: «До чего же чудесный вид», – и решил пройтись, подышать воздухом, развеяться. Встретив в коридоре горничную, спросил, дома ли Маргарита Ивановна. И услышал привычный ответ:

– Нет, Сергей Тимофеевич, они же в Принстоне.

– Ах да, я запомнил.

Вернувшись после короткой прогулки, Коненков вновь принялся за свои пророчества:

«„И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц, и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей... Армия Божия, Красная Армия + красная рабочая армия всего мира. Эта Армия Божия будет воевать с Армией Сатаны, которая также будет весьма велика, но которая будет побеждена. Битва будет до 1944 г.

...Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела; идите спуститесь, ибо точило полно и подточилія переливаются, потому что злоба их велика... И возгремит Господь с Сиона, и даст глас свой из Иерусалима; содрогнутся небо и земля, но Господь будет защитою для народа Своего и обороною для сынов Израилевых. Тогда узнаете, что я – Господь Бог ваш, обитающий на Сионе на святой горе Моей.

Посылаю это послание Вам, дорогой брат Иосиф Виссарионович, выполняя поручение Божие, переданное мне чрез Его слугу брата Заборовского. Принося благодарение Отцу Небесному чрез Его возлюбленного Сына, а нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа, прошу принять наши христианские приветствия Вам и Вашим помощникам и сотрудникам, а также приветствуем Красную Армию – солдат Божиих – Израильтян.

Остаюсь верный Господу навсегда

С.Коненков».

* * *

Когда поздним вечером Маргарита Ивановна вернулась домой после своего очередного путешествия в Принстон, мужа она нашла спящим ничком на диване, а на рабочем столе – черновик его письма Сталину. Быстро пробежала глазами, оставляя без внимания пространные библейские изыски, покачала головой: «Кажется, эти святые братья скоро Сергея совсем с ума сведут». Но, взвесив, решила: «Да нет, пускай хоть в такой дурацкой форме, но все-таки он должен время от времени напоминать о себе Сталину... Навуходоносор, это же надо до такого задуматься... Гог и Магог... Прости меня, Господи... Ох, Сережа, Сережа...»

Вздыхнула и отправилась в туалетную комнату смыть с себя дорожную пыль и усталость. Ее утомил и долгий путь, и бурные ласки неугомонного Альберта. Прежде чем погрузиться в ванну, она, раздевшись, внимательно осмотрела себя в зеркале: не осталось ли предательских следов. Вроде бы нет. Хотя, вот черт, на груди заметна уже начинающая багроветь отметинка!.. И вот еще, на шее, чуть выше ключицы... Ведь просила же Альберта быть аккуратнее... Беснеуемный...

Она осторожно переступила бортик утопленной в полу ванны и с наслаждением окунулась в теплую пенную воду. Маргарита думала немного подремать, но неясная тревога не давала покоя. В последнее время ее до безумия раздражали эти диковатые «братья», окружавшие мужа, всякий раз старавшиеся уединиться с ним в мастерской. А бывало, и он куда-то исчезал с ними на день-другой, напрочь забывая о своих жестких временных обязательствах по тому или иному выгодному контракту. Что было еще печальней, ведь большую часть заказов для мужа обеспечивала именно она...

Марго с наслаждением нежилась в небесно-голубой ванне, а в памяти возникли средневековые банные помывки в ее родном Сарапуле, откуда она еще девчонкой благополучно сбежала в Москву. Слава богу, папенька, присяжный поверенный, снабдил ее рекомендательными письмами к своему старинному столичному другу, доктору Ивану Бунину. Именно в его доме в Москве на Поварской юная, очаровательная провинциалочка и обрела тогда свой кров.

Ах, как здесь было здорово и интересно! Какие люди бывали в гостях у Буниных! Художники, артисты, поэты, почтенные думцы, задорные политики, журналисты... Куда там скуч-

нейшим юридическим курсам мадам Полторацкой, которые Маргарита была вынуждена посещать, оправдывая перед родными свое затянувшееся пребывание в Москве!

Как-то в один из вечеров Маргарита познакомилась с очень симпатичной девушкой, которая представилась Ириной. У них быстро нашлись общие интересы. Только в самом конце беседы Ирина решила назваться полным именем:

– Ирина Федоровна. Шаляпина.

– Как, правда?..

– Правда, правда. К чему мне тебя обманывать? Приходи к нам завтра, я тебя и с отцом познакомлю, и с братом. Обязательно приходи.

С того дня все и завертелось. Маргарита каждую свободную минуту пропадала в доме Шаляпиных. Правда, самого Федора Ивановича ей доводилось видеть редко – спектакли, гастрели. Но зато когда он появлялся в доме, большой, шумный, громогласный, вальяжный, вкусно пахнущий водочкой и заморским одеколоном, в Маргарите сразу вспыхивали какие-то неясные ожидания и тревоги. Все вокруг становилось шумно, оживленно, весело. Без конца звонил телефон, и верный служка Шаляпина китаец Василий, носивший длинную-длинную косу, ловко скользя по паркету, то и дело выходил на парадное крыльцо открывать двери новым гостям.

Зато с сыном знаменитого певца Борисом отношения складывались легко и просто. Мальчишка страстно влюбился в новую подружку сестры и неуклюже пытался за ней ухаживать. Застенчиво вручал какие-то подарочки, букеты, открыточки, угощал конфетами. Маргарита, девушка разумная и расчетливая, позволяла ему далеко не многое, но молодого художника это вовсе не злило, а только еще больше привязывало к ней, прекрасной, желанной, но недостижимой.

Но однажды случился конфуз, которого мало кто ожидал. Однажды Ирочка Шаляпина, неожиданно рано вернувшись с занятий в театральной студии, услышала, что в дальней комнате слышатся какие-то неясные звуки. Подойдя ближе, она сразу поняла их происхождение. Не в меру любопытная, Ирина на цыпочках подкралась к двери спальни и чуть приоткрыла створку: интересно, да кто же там с папашей? И от неожиданности ойкнула: Маргаритка!

Разумеется, тем же вечером она рассказала об увиденном младшему братцу. У них и мысли не возникло осуждать отца. Подобные случаи «неуемных любовных игр и забав» уже случались с ним, и не раз, чуть ли не на их глазах... Но эта нахалка! Тянуть под венец Бориса и при этом баловаться в постельке с будущим свекром?! Да это же верх бесстыдства!

Конечно, ни о какой свадьбе никто уже даже не поминал. Девицу же Маргариту (или уже не девицу?), естественно, отлучили от дома. Хотя нет, она сама решила: больше в дом Шаляпиных ни ногой. Так ей считать было приятнее.

Что же до кавалеров, то от них отбоя не было. И до Бориса, и при Борисе, а уж после него... Выбор делала она сама. Очень скоро избранником Маргариты стал 30-летний весьма способный художник и скульптор Петр Бромирский. Пылкий поклонник любовался Маргаритой, повсюду носил с собой ее фотографическую карточку и с гордостью демонстрировал всем знакомым. Когда он с той же целью явился к Сергею Коненкову, то не подозревал, что совершает роковую ошибку. Расписывая прелести и достоинства своей дамы сердца, Бромирский извлек из кармана фотографию Маргариты и показал Сергею Тимофеевичу.

«Девушка на фотографии была так прекрасна, – в старости вспоминал мастер, – что показала мне творением неведомого художника. Особенно прекрасен был поворот головы. И руки – необыкновенно красивые руки, с тонкими, изящными пальцами были у девушки на фотокарточке. Таких рук я не видел никогда!..»

Очарованный Коненков тут же приступил к «допросу с пристрастием»: кто такая, откуда родом, чем занимается, где живет... Бромирский уже чувал, что он совершенно напрасно продемонстрировал Сергею Тимофеевичу фото своей почти что невесты.

– Я должен убедиться, что в жизни она столь же хороша, как на карточке, – темпераментно убеждал молодого приятеля Коненков. – Приведи меня в дом Бунина, познакомь. Обещаю, все будет прилично.

Бромирский обреченно согласился.

Живой оригинал оказался куда эффектнее фотографического изображения женщины. Длинноногая, черноволосая, с точеным профилем и так много обещающими глазами.

Какой же это был год? Ах да, 1916-й. Маргарите в ту пору было всего лишь около двадцати, а Сергею Тимофеевичу уже сорок два. Вначале он очень смущался, был непривычно застенчив и скромн. Но когда они стали играть в саду в мяч, это вывело Коненкова из состояния заторможенности. Осмелев, он пригласил Маргариту посетить его мастерскую на Пресне.

Да она об этом только и мечтала! Знаменитый скульптор, художник, действительный член Императорской Академии художеств, к которому полагалось обращаться исключительно «Ваше Превосходительство»... К тому же, как она успела выяснить, Коненков был свободен от брачных уз. Его прежняя жена – Таня Коняева, эта породистая кобылица-производительница, по определению Маргариты, оставила его, когда ей до смерти осточертела вся эта непонятная богемная жизнь, бесконечная круговерть гостей, шум и гам, то там, то сям вспыхивающие споры и ссоры, сцены ревности, песни и пляски. Она тихо собрала свои вещички и без скандалов, как говорят, полюбовно ушла от мужа прочь, совсем в другую жизнь, в неведомые дали...

Через несколько дней Маргарита в сопровождении Бромирского впервые переступила порог мастерской. Сергей Тимофеевич, взволнованный визитом желанной гостьи, тут же объявил: «Едем кутить на Стрельню!» Цыгане встретили Коненкова как родного. Его спутнице тут же было предложено шампанское или любое другое вино на выбор. Она же скромно попросила: «Если можно, стаканчик молока». Хозяева, хорошо знавшие обычные вкусы компании Сергея Тимофеевича, были, мягко говоря, ошарашены... Сам же Коненков в тот момент был растроган до слез детской просьбой, что, в сущности, и требовалось любительнице молока. А друзья, опасаясь его непредсказуемых кулаков (он до старости гнул пятаки на спор), промолчали, хотя прекрасно знали, что Марго был хорошо известен не только вкус вина.

Ах, лихие времена... С умилением вспоминал подобные «африканские ночи» Федор Иванович Шалапин! «Горы фруктов, все сорта балыка, семги, икры, все марки шампанского и все человекоподобные – во фраках. Некоторые уже пьяны... Обнимаются и говорят друг другу с чисто русским добродушием:

- Люблю тебя, хотя ты немножко мошенник!
- Тебе самому, милому, давно пора в тюрьме гнить!
- П-поцелуемся!

Целуются троекратно. Это очень трогательно, но – немножко противно. Замечательно, что хотя все очень пьяны, но почти никто не упускает случая сказать приятелю какую-нибудь пакость очень едкого свойства. Добродушие при этом не исчезает.

Четыре часа утра. К стенке прижался и дремлет измученный лакей с салфеткой в руках, точно с флагом примирения. Под диваном лежит солидный человек в разорванном фраке – торчат его ноги в ботинках, великолепно сшитых и облитых вином. За столом сидят еще двое солидных людей, обнимаются, плачут, жалуясь на невыносимо трудную жизнь, поют:

– Эх, распошел! – и говорят, что порядочным людям можно жить только в цыганском таборе.

Потом один говорит другому:

– Постой, я тебе покажу фокус! Половой – шампанского!

Половой приносит вино, открывает.

– Глади на меня, – говорит фокусник, мокренький и липкий. Его товарищ старается смотреть сосредоточенно и прямо – это стоит ему больших усилий. Фокусник ставит себе на голову

полный стакан вина и встряхивает головой, желая поймать стакан ртом и выпить вино на лету. Это не удается ему: вино обливает его плечи, грудь, колени, стакан летит на пол.

– Не вышло! – справедливо говорит. – Нечаянно не вышло! погоди, я еще раз сделаю...

Но товарищ его, махнув рукой, вздыхает:

– Н-не надо!

И слезно поет:

– Эх-х, распошел, распошел...»

* * *

Под утро художник с будущей музой вдвоем вернулись в мастерскую на Пресне...

Когда они, обессиленные от ласк, лежали, не размыкая объятий, на смятых простынях, Коненков, целуя божественные девичьи руки, шептал ей на ушко:

– Так ты откуда, прелестное дитя?

– Сереж, ну я же уже говорила – из Сарапула.

– И где же сей укромный уголок?

– Ой, далеко-далече, на Каме, на высоком берегу. Городок небольшой, зато у нас 33 храма...

Прознав о романе Маргариты с Коненковым, добропорядочные Бунины забили тревогу: девочка попала в богему, в объятия известного на всю столицу горького пьяницы. Едва на курсах мадам Полторацкой объявили каникулы, «опекуны» спешно спровадили Марго от греха подальше домой, к родителям.

Впрочем, сообразительной девице природный инстинкт и самой подсказывал, что на заре романтического приключения женщине имеет смысл на какое-то время исчезнуть из поля зрения по уши влюбленного мужчины. Как бы для проверки чувств. Его или ее.

Конечно же, Коненков кинулся следом за Марго. С трудом отыскав дом Воронцовых в Сарапуле, Сергей Тимофеевич чуть ли не с порога стал просить у родителей руки их дочери. Своей решимостью, внешним видом, голосищем он немало смутил провинциальную дворянскую чету. Они с недоумением взирали на седовласого гиганта (почти их ровесника) и не могли прийти в себя от неожиданного напора.

Наконец, собравшись с духом, исполненный кичливой гордости присяжный поверенный объявил незваному гостю о своем решительном отказе. И разница в возрасте, батенька, и образ жизни, знаете ли, нам не позволяет... Да и как-то вообще...

Возвратившись в Москву, Коненков заперся в своей мастерской, несколько дней беспробудно пил, а придя в себя, уселся делать по памяти скульптурный портрет Маргариты. Когда спустя некоторое время в мастерской объявилась Она, Сергей показал ей законченную работу, надеясь услышать слова одобрения и благодарности.

Но кокетка оказалась умнее и хитрее. Она принялась расхваливать работу: «Портрет замечательный, девушка очень-очень красивая...», делая вид, что не узнает себя. Смущенный Коненков был вынужден промолвить те самые слова, которых она и ждала: «Да это же именно твой портрет, и именно ты так хороша!»

Прелюдия закончилась. Не прозвучало ни одной фальшивой ноты.

Коненков, целуя ее, старался утешить:

– Ты, Марго, совершенно напрасно стесняешься своих родителей и сарапульского происхождения. Уютный, старинный городок. Я нигде столько церквей не видел. Знала бы ты, из какой я глуши вышел! Про такую деревню, как Верхние Караковичи, ты хоть краем уха слышала?..

– Нет, а где это? – Марго гладила нежными пальчиками могучую грудь любовника и спрашивала его о детстве, юношеских годах. Она умела слушать и не задавать глупых вопро-

сов. А ему были приятны ее ласки, внимание к каким-то деталям его прошлого, а само погружение в воспоминания было слаще маминого клубничного варенья.

– На Смоленщине. Вот в этих самых Караковичах я и появился на свет. Давным-давно, еще в прошлом веке, аж в 1874 году. Дом у нас, с одной стороны, был, конечно, немаленький. Но, с другой, под его крышей уютилось аж двадцать шесть душ, представь себе... Однако жили довольно весело, без скандалов, в таком, знаешь ли, патриархальном духе...

* * *

Уже мальцом он непрестанно что-то лепил, и в его пальцах кусок сырой, вязкой глины превращался в птицу или неведомую сказочную зверушку. Наглядные уроки живописи он получил в 6-летнем возрасте, когда в их доме на некоторое время останавливался бродячий иконописец. Именно тогда Сергей под опекой богомаза впервые попробовал писать апостолов, Богоматерь, но иногда сбиваясь на сказочных героев – и Бову-королевича, и Еруслана Лазаревича, и Ивана-царевича. Рисовал он обычно вечерами в горнице, где керосиновая лампа хорошо освещала стол и, самое главное, никто не мешал. Очень скоро его иконы украшали красные углы чуть ли не каждой избы в Верхних Караковичах.

Зажиточные помещики Смирновы, чье имение располагалось неподалеку, решили помочь явно даровитому соседскому мальчишке. И, отправляя на учебу в Рославльскую прогимназию своего сына, они снарядили с ним и Сергея Коненкова. Их доверие он сполна оправдал, окончив прогимназию с отличием. У него был природный талант к мгновенному впитыванию знаний. Его интересовало все – и латынь, и музыка, и поэзия, и театр. Только не точные науки.

Дома на семейном совете решили, что Сережке нужно обязательно продолжать обучение: талант растет! В крестьянской среде вряд ли были известны жанры изобразительного искусства, но знающие люди подсказали, как и что, и посоветовали отправить Коненкова-младшего в Москву, в Училище живописи, ваяния и зодчества. Провожая, дядя Андрей сказал: «Вот последний раз даю тебе 50 рублей. Больше, уж ты извини, помочь мы не сможем...»

Опередив всех конкурентов, Сергей с блеском сдал вступительные экзамены. В училище он стремительно увлекся античной скульптурой, успешно импровизировал на темы древнегреческого искусства. Словом, считался первым среди первых. Только вот в желудке было пусто. Он знал, как прожить двадцать дней на рубль четыре копейки, питаясь одним только хлебом и кипятком. И когда известный коллекционер живописи Уманский, увидев на выставке его ученическую работу «Старик на завалинке», предложил за нее автору 15 рублей, тот готов был руки целовать своему благодетелю.

Затем по совету друзей Коненков уехал в Питер постигать вершины мастерства в Высшем художественном училище Академии художеств. И тут столкнулся с системой преподавания, которая вызвала резкое неприятие. В «Вышке» учили лепке, а не ваянию. Коненков же по своему складу был прежде всего скульптором, освобождающим образы от сковывающего их материала. Его дипломной работой стал «Самсон, разрывающий узы». В нем была монументальность, простота и ясность. Впервые обнаружилось стремление Сергея к мифотворчеству. Но профессоров смущало, что модернистская трактовка библейского мотива приводила к грубому нарушению классических пропорций фигуры. Вот тогда-то Сергей и его единомышленник и собрат по художественному цеху Петр Кончаловский объявили войну академизму в буквальном смысле слова: как-то проходя вместе с друзьями-студентами ночным Питером мимо треклятой академии, они швырнули в окно ректору-ретрограду Беклемишеву грязную калошу. И надо же было тому случиться, что как раз в тот момент совершал объезд своих владений градоначальник Петербурга барон Нолькен. Подгулявших и не в меру расшалившихся студентов тут же отволокли в участок. Дело закончилось судом. Слава богу, за своих талантов

вступился президент академии, профессор Чистяков (в чье окно по ошибке, кстати, залетела злополучная калоша), и хулиганы обошлись лишь штрафом – по 8 рублей с носа.

В дальнейшем даровитого скульптора Коненкова поддержали Репин и Куинджи. Именно благодаря им Коненков получил звание свободного художника. Правда, «Самсон» по распоряжению администрации академии был уничтожен, дабы вызывающая статуя не смущала умы и не будоражила воображение новых студентов.

Вскоре имя Сергея Коненкова не сходило с уст знатоков изобразительного искусства, газеты и журналы живо реагировали на каждое новое произведение Коненкова. Почтительно отзывались о них даже коллеги-скульпторы, что удивительно для художественной среды, дышавшей ревностью и завистью к успехам коллег. Работы Коненкова теперь могли покупать только очень состоятельные люди. Например, музыкант Анатолий Микули, чтобы приобрести коненковский портрет Баха, продал свою уникальную скрипку работы Гварнери. Еще один шедевр – портрет Паганини – купил для своего особняка миллионщик Рябушинский. А в доме прославленных купцов Морозовых на Ордынке роскошный камин в столовой комнате украсило деревянное панно Коненкова «Пиршество». Ради него они продали один из своих магазинов...

– Вот тогда у тебя «та самая Татьяна» появилась? – ревниво поинтересовалась Маргарита.

– Ну, примерно, – не отрицал Коненков.

* * *

Много позже отечественные биографы выдающегося скульптора, лауреата Ленинской премии, народного художника, Героя Социалистического Труда станут без устали живописать, как скульптор Сергей Коненков и простая фабричная девчонка Татьяна Коняева познакомились и полюбили друг друга на арбатских революционных баррикадах в бурные дни 1905 года, едва ли не отдаваясь друг другу под грохот канонады. Красивая, романтическая история в духе социалистического реализма.

А времечко тогда и впрямь было лихое, смутное и хмельное. Студенты и художники пили горькую во здравие японского императора и за упокой «Николашки последнего». Вдобавок головы кружил аромат забастовок. Ранним декабрьским утром того самого 1905 года в мастерскую Коненкова, которая размещалась на чердаке доходного дома, вломились возбужденные приятели:

– Сергей, ты сегодня на улицу выглядывал?

– Да нет еще. Во-первых, башка трещит. Во-вторых, работы много. Заказы горят. Мироед Филиппов, булочник, просто замордовал своими проектами.

– Да брось ты все, пошли скорей. Там твою «Прагу» сейчас громить начнут.

– Кто?

– Увидишь! Возле «Праги» рабочие баррикады понастроили. А на них солдат и жандармов бросили. Сейчас косить начнут.

– Да вы что?! – взревел Коненков.

Ресторан «Прага» в центре Москвы уже давным-давно был излюбленным местом отдохновения Сергея Тимофеевича. Ресторанная челядь своего постоянного посетителя тоже жаловала. За щедрость и простоту гастрономических вкусов: огурчики-помидорчики, селедочка, котлеты де-воляй с жареной картошечкой, ну и водочка, само собой...

Когда шумная, разномастная компания устремила спасать знаменитое питейное заведение от погрома, у входа в ресторан обнаружили ощерившиеся бревнами, телеграфными столбами, обломками старых комодов, саней, бочек громады баррикад, опутанные железной проволокой – от «Праги» до Смоленского рынка, наглухо перегородившие весь Арбат. Жандармы, неуклюжие городовые, солдаты с винтовками и всадники в серых шинелях тщетно

пытались их штурмовать, но отчаянные защитники своих редутов безжалостно отбрасывали их вниз шестами и оглоблями. До стрельбы дело пока не доходило, но по всему чувствовалось: вот-вот грянут залпы. Когда раздался первый командный выстрел, служивые третьего лейб-гвардии драгунского Сумского полка ринулись в потешную атаку. Правда, без особого азарта.

Оценив поле схватки, Коненков подхватил под руку одного из приятелей и куда-то помчался, крикнув оставшимся: «Скоро вернусь! Непременно дождитесь!»

К «Праге» он возвратился где-то через час-полтора на извозчике. И не с пустыми руками – с ним был объемистый и, судя по всему, не легонький баул. Друзья поспешили навстречу: «Что привез? Никак подкрепление?» – «Угадали». Следом за Коненковым «революционеры» поспешили к черному ходу «Праги». Поблуждав знакомыми коридорами ресторана, через кухню друзья пробрались к баррикадам с тыла: «Братцы, мы к вам!» Молодые дружинники – судя по облику, речи и манерам, в основном из рабочего люда – душевно приняли новобранцев. Даже угостили «пражскими» пирожками. Тем паче на улице по-прежнему царило затишье. Солдаты и жандармы толпились в сторонке, а их отцы командиры о чем-то совещались, укрывшись в переулке.

– Ребята, да мы ведь к вам с гостинцами! – громыхал взъерошенный Коненков.

Он мигом распахнул баул и один за другим принялся вытаскивать из его нутра браунинги, легкие, изящные, родом из далекой Бельгии, и раздавать боевикам. Целыми пригоршнями он сыпал в их карманы патроны: «Держите, ребята!»

– Сергей, откуда ж у тебя такой арсенал?!

– Места надобно знать, – смеялся довольный Коненков. – Откуда, откуда? Из магазина Биткова, что на Сретенке. Там такого добра навалом...

Покончив с раздачей оружия, довольный Коненков уселся на какой-то ящик и огляделся по сторонам. Тут же зоркий глаз художника выхватил из толпы яркую, статную, буквально пышущую здоровьем девушку. Ее трудно было не заметить. Крупная, с крепкими руками и не менее мощными ногами, она пыталась застегнуть овчинный полушубок на высокой груди, но у нее ничего не получалось, даже лоб покрылся испариной, а щеки покраснелись. Вот же какая прелесть!

Коненков, недолго думая, подошел к ней и представился:

– Сергей Коненков. Художник, скульптор. Вам помочь?

– Спасибо, обойдусь. А я – Таня.

– Прекрасное имя. Очень приятно, Таня. Я хотел бы делать ваш портрет.

Он тотчас как бы забыл о событиях, которые творились вокруг.

– Приглашаю вас, Таня, в ресторацию. Прошу сюда. Официанты и повара все равно там от пальбы хоронятся, делать им нечего. Обещаю, накормят до отвала, – и сделал широкий жест.

С того дня или даже ночи дочь кочегара Татьяна Коняева стала единственной натурщицей Коненкова. Через шесть десятков лет он напишет: «Все эти дни счастливая, смелая до дерзости, она смотрела на мир сияющими глазами...» Возвращаясь из мастерской вдвоем к «Праге», на баррикады, они переговаривались-перешучивались с боевиками, изредка постреливали в сторону дома, за которым таились солдаты драгунского полка. Те в ответ тоже стреляли, и тогда Тане приходилось перевязывать раненых, а Сергей помогал ей, а заодно увлекательно рассказывал о великих художниках и странах, в которых уже успел побывать.

Когда в Москву прибыл верный императору лейб-гвардии Семеновский полк и по баррикадам грянули артиллерийские залпы, так называемая рабочая дружина Коненкова рассыпалась с Арбата – кто в подвалы, кто на чердаки, кто в провинцию.

Безумно перепуганный 16-летний поэт Сергей Клычков, с которым на Арбате познакомился Коненков, сбежал к себе в родную деревню Дубровки, что в Тверской губернии. Худой и черный, он несколько месяцев отсиживался в сараюшке, опасаясь ареста. И между делом, отвлекаясь от грустных мыслей, пытался рифмовать, кропая «революционные» строки:

*То поднялся мужик
С одра слезного,
Стал могуч и велик
Силой грозною...*

Зато позже, вспоминая «баррикадные дни» пятого года, Клычков горделиво писал: «Десять дней мы держали в руках старый Арбат...»

Ну а Таня Коняева покорно шла следом за своим скульптором по снежной Москве. Ночью в мастерской он лепил с нее Нику, античную богиню победы. Потом «Ладу», «Коленопреклоненную», несколько работ на темы «Эллады». Под окнами мастерской догорали прежде неприступные баррикады, яркими бликами освещая Танино лицо и богатое тело.

Когда окончательно стихли уличные бои, Коненков вернулся в булочную-кафе Дмитрия Филиппова на Тверской: «Продолжим?» – «А ты как хотел?» – ответил хмурый заказчик. – За тобой же и «Вакх», и «Вакханка» остались». – «Годится?» – спросил Коненков, указывая на фактурную натурщицу Таню Коняеву, которая пришла вместе с ним к знаменитому хлебопеку.

– Ух ты! Угадал. Да я бы ее тут, как живую натуру, оставил... Есть, есть чем глаз порадовать.

Позже Татьяна стала женой Сергея Тимофеевича и матерью его сыновей. Но прежде всего мастер считал Татьяну Коняеву непревзойденным «гением искусства позирования».

* * *

Весной 1914 года Коненков получил возможность переехать в мастерскую на Пресне, и там он сразу все стал обустроить по-своему. Перекопал пустырь вокруг флигеля и посеял рожь с васильками, среди диких зарослей сирени, жасмина и шиповника соорудил всякие подсобные службы. Здесь же, возле сарая, по-деревенски запасливый, он возвел целую пирамиду – огромную поленницу отменных дровишек.

Мастерская стала и студией, и домашним очагом, и клубом, и выставочным залом. При этом публика собиралась порой самая разношерстная. Возникали призрачные фигуры бездомных художников. Здесь дневал и ночевал Сергей Есенин, позже танцевала Айседора Дункан, хватив спирта, пел Федор Шаляпин, читали стихи Анатолий Мариенгоф и Сергей Клычков, рассказывал о своих театральных замыслах Всеволод Мейерхольд, приносил новые полотна Петр Кончаловский... На встрече богом двух столиц могли вдруг явиться приглашенные Коненковым слепые лирники и тянуть свои бесконечные монотонные песни... Под настроение хозяин мастерской тоже иногда брал в руки лиру и заунывно распевал любимую оду «Об Алексии, божьем человеке, о премудрой Софии и ее трех дочерях – Вере, Надежде, Любви». Компания благоговейно млела, полагая, что припадает к истокам, к исконно народному, русскому, православному, домотканому творчеству...

Как вспоминал Мариенгоф, для Сергея Коненкова род человеческий разделялся на людей с часами и людей без оных. Определяя кого-либо на глазок, он обычно бурчал: «Этот с часами...» И все уже понимали, что если речь шла о художнике, то рассуждать о его талантах было бы незадачливо, а слушать стихи крикливого, дурно пахнущего футуриста и вовсе необязательно.

Но какие же страсти тут кипели, творческие, мягко говоря, дискуссии, едва не доходящие до драк! Одним из предметов столкновений была, например, космогония, к которой Коненков в поисках смысла мироздания испытывал неукротимый интерес. Есенин же, будучи человеком земным, к тому времени рассорившись с Богом, подводил итоги диспутов своей черной строкой:

*«Не молиться тебе, а лаяться научил ты меня,
Господь...»*

Но случались и иные поводы для стычек и конфликтов. После того как Есенин прочел друзьям главы из своего «Пугачева», Всеволод Мейерхольд тотчас с жаром заговорил о необходимости постановки поэмы в его театре.

– А вот художником пригласим Сергея Тимофеевича, – обратился режиссер к Коненкову, – он нам здоровеннейших этаких деревянных болванов вытешет.

У Коненкова на лоб глаза полезли:

– Кого, кого?

– Я говорю, Сергей Тимофеевич, вы нам болванов деревянных...

– Болванов?!

И Коненков так брякнул о стол стаканом, что во все стороны брызнуло стекло мельчайшими осколками.

– Ну... статуи... из дерева... Сергей Тимофеевич... – пролепетал Мейерхольд.

– Для балагана вашего?!

Коненков встал и, обращаясь к Есенину и Мариенгофу, извинился:

– Ну прости, Серега... прости, Анатолий... Я пойду... пойду от этих «болванов» подальше...

Смертельно обиженный, он вышел из-за стола и, громко хлопнув дверью, удалился в темный вечер.

Обескураженному Мейерхольду Есенин сразу принялся выговаривать, нравучать:

– Все оттого, Всеволод, что ты его не почувал... «Болваны»!.. Разве возможно?! Ты вот бабу так нежно по брюху не гладишь, как он своих деревянных «мужичков болотных» и «стареньких старичков»... в мастерской у себя никогда не разденет при чужом глазе... Заперемшись, холстяные чехлы снимает, как с невесты батистовую рубашечку в первую ночь... А ты – «болваны»... Разве возможно?!

Присутствовавший тут же художник Жора Якулов утешал Мейерхольда на свой манер:

– Он... гхе-гхе... Азия, Всеволод, Азия... Вот греческую королеву лепил... в смокинге из Афин приехал... из бородищи своей эспаньолку выкроил... Ну, думаю, европейский художник... а он... гхе-гхе... пришел раз ко мне, ну... там шампанское было, фрукты, красивые женщины... гхе-гхе... он говорит: двинем ко мне, на Пресню, здесь, гхе-гхе, скучно... Чем, думаю, после архипелага греческого подивит... а он сюда, в кухню, к себе привез... водки две бутылки... гхе-гхе... огурцов соленых, лук головками... а сам на печь и... гхе-гхе... за гармошку... штилеты снял, а потом... гхе-гхе... пойте, говорит: «Как мы просо сеяли, сеяли»... Можно сказать, красивые женщины... гхе-гхе... жилет белый... художник европейский... гхе-гхе... Азия, Всеволод, Азия...

А Есенин тут же выдал экспромт:

*Пей, закусывай изволь!
Вот перцовка под леца!
Мейерхольд, ах, Мейерхольд,
Выручай товарища!*

– Жаль, Сергей Тимофеевич тебя не услышал, – вздохнул, едва не всхлипнув, осрамившийся Мейерхольд.

– Ничего, – утешил его Есенин. – Я Сергею другие частушки сочиню.

После ухода Тани вместе с Сергеем Тимофеевичем главным «правителем» во флигеле стал коненковский дворник, нянька и верный друг «дядя Григорий» – Григорий Александрович Карасев, кроме всего прочего, любивший поучать жизни заглянувших на Пресню друзей-приятелей хозяина.

«У этого человека был меткий и зоркий взгляд, – говорил Коненков. – Говорил он мало, но веско. Я всегда прислушивался к его замечаниям. Каждое слово было глубоко осмысленным, а если он молчал, это было молчание понимающего и думающего человека».

Именно таким он и вырубил его из двухметрового кряжа – своего народного мыслителя, человека непреклонного характера, нелицеприятного судию жизни.

А друзьям Коненков советовал:

– Ты его слушай да в коробок свой прячь – мудро он говорит: кто ты есть? А есть ты человек. А человек есть – чело века, – и указывал при этом на сократовский лоб Григория Александровича.

А потом, взяв гармошку, затягивал любимое есенинское «Яблочко», приглашая всех продолжить застолье:

*Эх, яблочко
Цвету звонкого,
Пьем мы водочку
Да у Коненкова!*

...На первых порах новая спутница Сергея Коненкова прелестница Маргарита была подлинной «королевой бала» в его товариществе. Ей дарили цветы, посвящали стихи, пели романсы. В честь ее поднимались бокалы и стаканы, преподносились нежные розы и произносились изысканные тосты.

Но со временем интерес к ней стал естественным образом угасать, и в шумной хмельной компании Маргарита, уже привыкшая быть в центре внимания и благосклонно принимать нескончаемые комплименты, ушла в тень Коненкова, затерялась. Но она не могла чувствовать себя одной из многих. Ей нужно было быть единственной. А здесь каждый считал себя неповторимым и гениальным. Марго завидовала, когда слышала обволакивающие ласковые слова, адресованные, увы, не ей. Вон Есенин, взяв за руку Надю Вольпин, все шепчет ей какую-то нежную чепуху: «Мы так редко вместе. В этом только твоя вина. Да и боюсь я тебя, Надя! Знаю: я могу раскачаться к тебе большой страстью!»

Маргарита нуждалась в бесконечном поклонении, восхищенных взглядах, тайных ухаживаниях, особых знаках внимания. Ей явно не доставало влюбленности Коненкова. Она хотела чувствовать себя победительницей и других мужских сердец. Как же вовремя попался под руку Боренька Шаляпин! Да-да, тот самый юный робкий мальчик теперь пришел учиться ремеслу у самого Сергея Тимофеевича Коненкова.

Но это смятение чувств было совсем непродолжительным. До того самого момента, пока Воронцова женским чутьем не уловила роковую опасность, исходящую со стороны дочери знаменитого художника Петра Кончаловского Натальи, которая с нескрываемым восторгом смотрела на своего крестного отца, на ее, Маргариты, пусть гражданского, но мужа, Сергея Тимофеевича Коненкова...

Впрочем, она напрасно беспокоилась. Далеко не глупенькая Наталья Кончаловская вскоре смирилась, когда увидела: «...Был выточен из дерева первый портрет Маргариты Ивановны, и с ним вошла в жизнь Сергея Тимофеевича любовь и прогнала его одиночество. Отошли в сторону мужики, мастеровые с постоянной четвертной бутылкой водки, которую я, бывало, прятала от всей честной компании, где-нибудь зарыв ее в углу в стружке. Пришла забота женских рук, прелестных ручек Маргариты, пришло время заменить косоворотку све-

жими воротничками рубашки и галстуком, а высокие сапоги – элегантными ботинками, и незаметно я отошла от повседневного пребывания в мастерской...»¹

¹ Именно Наталье Петровне Кончаловской второй человек в СССР Вячеслав Михайлович Молотов вскоре после Великой Отечественной войны порекомендует написать письмо Коненкову с предложением прервать его затянувшуюся зарубежную «командировку» и вернуться на Родину, которая его с нетерпением ждет. Ответственное поручение она доблестно выполнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.